Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-122-132

КАНЦЕР Юрий Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО
«РАНХиГС при Президенте РФ»,
e-mail: yurikantser@mail.ru.

ЛОГВИНОВА София Максимовна,
студентка 4 курса Юридического факультета
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО
«РАНХиГС при Президенте РФ»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. *Оспаривание сделок является важным инструментом защиты прав кредиторов в рамках процедур банкротства и гражданских дел. В условиях финансовых трудностей должника, такие сделки могут быть направлены на сокрытие активов или уклонение от обязательств перед кредиторами. В данной работе рассматриваются основные правовые механизмы, делает уклон на нормативно-правовую базу, особенности её применения, а также модели регулирования процедуры оспаривания сделок, подозрительные и преференциальные сделки. Также анализируется влияние оспаривания сделок на восстановление прав кредиторов и возможность их удовлетворения в рамках конкурсного производства.*

Ключевые слова: *кредитор, должник, сделка, модель, объективные и субъективные критерии, справедливость, оспаривание, гражданский оборот.*

KANTSER Yury Aleksandrovich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law disciplines
of the Volgograd Institute of Management - a branch of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
«RANEPA under the President of the Russian Federation»,
Director of the law firm LLC «Regional Legal Company»

LOGVINOVA Sofia Maksimovna,
a 4th–year student of the Law Faculty
of the Volgograd Institute of Management,
a branch of the RANEPA Presidential Academy
of Sciences of the Russian Federation

CONTESTING DEBTOR'S TRANSACTIONS AS A MECHANISM FOR PROTECTING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF CREDITORS IN BANKRUPTCY CASES

Annotation. *Contesting transactions is an important tool for protecting creditors' rights in bankruptcy and civil cases. In conditions of financial difficulties of the debtor, such transactions may be aimed at hiding assets or evading obligations to creditors. This paper examines the main legal mechanisms, focuses on the regulatory framework, the specifics of its application, as well as models for regulating the procedure for challenging transactions, suspicious and preferential transactions. The impact of contesting transactions on the restoration of creditors' rights and the possibility of satisfying them in bankruptcy proceedings is also analyzed.*

Key words: *creditor, debtor, transaction, model, objective and subjective criteria, justice, challenge, civil turnover.*

В условиях современного экономического оборота вопрос оспаривания сделок как меры защиты правового положения кредитора становится особенно актуальным. С ростом числа случаев банкротства и финансовых затруднений у должников, кредиторы сталкиваются с необходимостью защищать свои интересы и минимизировать возможные потери. Однако, несмотря на очевидные преимущества этой меры, она также вызывает множество правовых споров и дискуссий, связанных с ее применением и последствиями для добросовестных контрагентов. Важно учитывать баланс между защитой интересов кредиторов и стабильностью гражданского оборота, что делает данную тему особенно значимой для юристов, предпринимателей и всех участников экономических отношений. В условиях неопределённости и нестабильности рынка понимание механизмов оспаривания сделок и их влияния на правовое положение кредиторов приобретает первостепенное значение [4].

При проведении исследований в области банкротства невозможно обойти вниманием многогранные аспекты этого сложного явления. С одной стороны, банкротство представляет собой неспособность должника исполнять свои финансовые обязательства перед кредиторами, что зачастую выражается в нарушении договорных условий и уклонении от выполнения обязательств. Эта сторона проблемы очевидна для кредиторов, которые рассматривают банкротство как инструмент давления на должника, направленный на восстановление справедливости и привлечение его к ответственности за негативные последствия своих действий. С другой стороны, банкротство может выполнять конструктивную роль, служа механизмом преодоления кризисов и исправления допущенных ошибок, что позволяет повторно интегрировать важные ресурсы, включая человеческий капитал, в экономическую деятельность, тем самым осуществляя свою реабилитационную функцию и способствуя восстановлению устойчивости экономики.

Вопрос о моделях регулирования отношений в сфере несостоятельности (банкротства) действительно является предметом активных научных дискуссий. Основные подходы к классификации этих моделей - продолжниковская и прокредиторская, отражающие различные приоритеты в защите интересов участников процесса. [1]

Рассмотрим их подробнее:

1. Продолжниковская: ориентирована на защиту интересов должника, который находится в состоянии финансовой несостоятельности, основной целью процедуры банкротства является не только удовлетворение требований кредиторов, но и возможность восстановления платежеспособности должника. Она имеет свои преимущества - помогает сохранить рабочие места и производственные мощности, что важно для экономики в целом, защита должника позволяет избежать чрезмерного давления со стороны кредиторов и способствует более гуманному подходу к решению финансовых проблем; [7]
2. прокредиторская модель: акцентирует внимание на защите интересов кредиторов, удовлетворению требований в максимально короткие сроки и с минимальными затратами, реабилитационная функция не присуща. Сущность заключаются в следующем - кредиторы, предоставившие средства имеют возможность вернуть свои инвестиции, что способствует доверию к финансовым системам, более ответственному поведению должников, так как они понимают, что за неисполнение обязательств последуют серьезные последствия [7].

В рамках каждой из этих моделей существуют умеренные и радикальные подходы [3]. Умеренные предполагают более сбалансированный подход, где интересы обеих сторон учитываются в определённой степени. Радикальные, наоборот, склоняются к крайним мерам либо полному игнорированию интересов одной стороны, либо их абсолютной защите. Различия между моделями также проявляются в механизмах, предлагаемых законодателем для реализации прав заинтересованных сторон, например: в продолжниковских моделях могут быть предусмотрены механизмы реабилитации должника, такие как реструктуризация долгов или предоставление временной защиты от кредиторов, а в прокредиторских моделях акцент может делаться на быструю ликвидацию активов должника, «очищение» юридического лица и пропорциональное соразмерное, согласно очерёдности, распределение средств, среди кредиторов.

Таким образом, выбор той или иной модели регулирования отношений в сфере несостоятельности зависит от приоритетов. Каждая из моделей имеет свои плюсы и минусы, и их применение должно быть обосновано конкретными экономическими и социальными условиями.

Оспаривание сделок в контексте банкротства, действительно, представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует учета интересов, как кредиторов, так и контрагентов должника [9]. Важность конкурсного оспаривания заключается в его функциях, имеющих некоторые особенности, например:

1. Восстановление прав кредиторов: позволяет вернуть активы, которые были отчуждены должнику перед объявлением бан-

кротства, что особенно важно для кредиторов, которые могут потерять свои средства из-за недобросовестных действий должника;

2. баланс интересов: оспаривание может негативно сказаться на интересах контрагентов должника - это создает необходимость в поиске баланса между защитой прав кредиторов и защитой добросовестных приобретателей активов, поддержания стабильности, здесь как раз работаю модели регулирования;
3. недобросовестное использование механизмов: манипулирование процессом ради личной выгоды, способным подорвать доверие к институту банкротства и привести к негативным последствиям для всех участников гражданского оборота;
4. гармонизация норм: необходимость упорядочивания и структуризации норм конкурсного права с общегражданскими нормами становится все более актуальной, с целью избежания злоупотреблений и обеспечения стабильности гражданского оборота.

Конкурсное оспаривание сделок является важным инструментом в области банкротства, но его применение должно быть сбалансированным и направленным на защиту интересов всех сторон.

Стоит отметить, что в российской правовой системе существуют деликтная или квазиделиктная теория, которые объясняют недействительные сделки как правонарушения должника, которые могут причинить вред кредиторам.

Деликтная теория предполагает, что действия должника могут быть квалифицированы как правонарушение, в то время как квазиделиктная теория рассматривает действия, которые не являются прямыми правонарушениями, но создающие риск создания неблагоприятных последствий.

Судебная практика в России смещается в сторону оценки добросовестности контрагентов по сделкам, совершенным должником, что суды все больше учитывают намерения и поведение сторон при заключении сделок. Такой подход позволяет участникам лучше прогнозировать последствия своих действий, что способствует большей стабильности и предсказуемости в правовых отношениях.

Наравне с ними, выделяют легальную теорию и кондикционную [10]. Проанализируем каждую:

1. Легальная: акцентирует внимание на соблюдении буквы закона, ответчик должен доказать, что сделка соответствовала всем правовым нормам, должен ссылаться на отсутствие нарушений конкретных правовых норм, регулирующих её, доказательство того, что была оформлена в соответствии с требованиями законодательства (например, наличие всех необходимых документов, соблюдение процедуры);
2. кондикционная: касается случаев, когда одна сторона получает выгоду за счет другой без законных оснований. Важным аспектом защиты будет доказательство отсутствия обогащения ответчика в результате оспариваемой сделки.

Таким образом, каждая из теорий предлагает уникальный подход к оценке, совершённой сделки и правовым последствиям, что в совокупности создает комплексную и сбалансированную систему правового регулирования.

Термины «конкурсное оспаривание» и «внеконкурсное оспаривание» имеют значение в контексте законодательства о банкротстве и защиты прав кредиторов. Конкурсное оспаривание - процесс оспаривания сделок и других юридически значимых действий в рамках дела о банкротстве, где основное внимание уделяется сделкам, которые были совершены должником до начала процедур банкротства и которые могут повредить интересам кредиторов. Внеконкурсное оспаривание - оспаривание вне рамок дела о банкротстве, которое может происходить до введения процедур банкротства, направленное на защиту прав кредиторов, чьи интересы могли быть нарушены.

Хельмут Коциоль, известный австрийский цивилист, объединяет конкурсное и внеконкурсное оспаривание под общим термином «кредиторское оспаривание», что подчеркивает их общую направленность на защиту прав кредиторов и восстановление справедливости в отношении их требований. При оспаривании различают несколько видов сделок - подозрительные и преференциальные. [5]

Обратимся к каждой из них.

Подозрительными признаются сделки, которые имеют неравноценное встречное исполнение или привели к причинению имущественного вреда правам кредиторов

В то время как преференциальная - сделки, влекущие преимущественное удовлетворение одних кредиторов перед другими.

Подозрительные отличаются от преференциальных отсутствием встречного положительного эффекта, которые направлены против интересов кредиторов, предполагающие компенсацию вывода активов прекращением обязательств должника перед отдельным кредитором, которому оказано предпочтение [11]. Такие сделки наносят меньший вред интересам кредиторов, и по этой причине возможность их оспаривания действующее законодательство ограничивает

меньшими, чем для фраудаторных сделок, периодами подозрительности. Существенным для практики представляется вопрос о возможности квалификации сделок по преимущественному удовлетворению требований кредиторов в качестве подозрительных (фраудаторных) сделок: например, по передаче должником имущества в залог по ранее возникшим своим обязательствам либо по передаче отступного, проведению зачета.

Как показывает практика, сделки, которые могут быть признаны недействительными, связаны с тем, что ухудшают финансовое положение должника (например, продажа имущества по заниженной цене, вытекающие мнимые и притворные сделки). В данном случае не ухудшает имущественное положение, поскольку: имущественная масса не уменьшается (продолжает владеть имуществом), если оно передается в обмен на уменьшение долга, то это уменьшает обязательства, чистые активы остаются неизменными, так как уменьшение активов компенсируется уменьшением обязательств.

Таким образом, такие сделки направлены на обеспечение интересов кредитора, но не ухудшают финансовое положение должника, а наоборот - могут улучшить его, так как уменьшают общую задолженность.

Судебная практика зачастую придерживается подхода, согласно которому сделка по передаче имущества в залог, в том числе по обязательствам самого должника, может быть квалифицирована как преференциальная сделка или сделка, причиняющая вред. Данный подход основывается на п. 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. 3.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту - Постановление). В этом документе указано, что в соответствии с положениями п. 1 ст. 61.2 Постановления могут оспариваться исключительно те сделки, которые предполагают встречное исполнение в принципе или обычно. В то же время сделки, которые не включают встречное исполнение (например, договор дарения), или которые обычно не предполагают его (как, например, договор поручительства или залога), не подлежат оспариванию на основании п. 1 ст. 61.2 , вместо этого они могут быть оспорены на основании п. 2 этой же статьи. [3]

При проведении исследований в области банкротства необходимо учитывать его многогранные аспекты, включая правовые, экономические и социально-политические элементы. Банкротство, с одной стороны, представляет собой неспособность должника исполнять свои финансовые обязательства перед кредиторами, что часто приводит к нарушению договорных условий и уклонению от выполнения обязательств. Эта сторона проблемы очевидна для кредиторов, которые воспринимают банкротство как инструмент давления на должника. Они стремятся восстановить справедливость и привлечь его к ответственности за негативные последствия своих действий, с другой стороны, банкротство может выполнять конструктивную роль, действуя как механизм преодоления кризисов и исправления допущенных ошибок. Этот процесс позволяет повторно интегрировать важные ресурсы, включая человеческий капитал, в экономическую деятельность. Таким образом, банкротство осуществляет свою реабилитационную функцию и способствует восстановлению устойчивости экономики. Важно рассматривать банкротство не только как негативное явление, но и как возможность для обновления и улучшения экономической среды.

Ссылка на п. 9.1 Постановления представляется более верной, так как в ней четко указано, что сделка с предпочтением, осуществленная за пределами шестимесячного периода подозрительности, может быть оспорена исключительно на основании, предусмотренном п. 2 ст. 61.2 Закона, как я указывала ранее. Согласно данной норме, может быть признана недействительной, если была совершена должником с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. Для признания такой сделки недействительной необходимо соблюдение следующих обязательных условий:

1. Факт её совершения в течение трех лет до даты подачи арбитражным судом заявления о признании должника банкротом;
2. наличие направленности на причинение вреда имущественным правам кредиторов;
3. осведомленность другой стороны сделки (ответчика) о наличии у сделки цели причинения вреда кредиторам.

Эти условия формируют четкие критерии для оценки законности проведённых операций, что способствует защите интересов кредиторов в рамках процедуры банкротства.

При рассмотрении дела установливаются следующие обстоятельства:

1. Кредитору должника передано отступное в счет погашения обязательства: сложный и многогранный процесс, который требует внимательного анализа условий и последствий такого действия. Отступное, как форма исполнения обязательств, подразумевает передачу имущества или других активов кредитору вместо денежных средств, что может быть как стратегическим шагом должника, так и вынужденной мерой в условиях финансового кризиса. Во-первых, стоит отметить, что отступное

может служить эффективным инструментом для предотвращения банкротства. В ситуациях, когда должник сталкивается с ликвидностью, передача активов позволяет ему сохранить часть ресурсов и избежать полной утраты контроля над своим бизнесом. Это может быть особенно важно для малых и средних предприятий, которые играют ключевую роль в экономике, обеспечивая рабочие места и поддерживая местные сообщества. Во-вторых, условия, при которых осуществляется передача отступного, имеют критическое значение. Если передача активов происходит в рамках прозрачной и обоснованной сделки, это может укрепить доверие между должником и кредитором. Кредитор, получая отступное, может оценить его стоимость и потенциальную прибыльность, что способствует более конструктивному взаимодействию сторон. Кроме того, необходимо учитывать правовые аспекты передачи отступного. Законодательство различных стран может иметь свои особенности регулирования таких сделок. Важно, чтобы процесс был оформлен в соответствии с действующими нормами права, что обеспечит защиту интересов обеих сторон;

2. на момент предоставления отступного должник находился в состоянии, соответствующем признакам несостоятельности. Это обстоятельство указывает на наличие серьезных финансовых трудностей, препятствующих выполнению обязательств перед кредиторами. Должник, как правило, сталкивается с неплатежеспособностью, что выражается в значительных задолженностях, отсутствии ликвидных активов и других явных признаках финансовых проблем. Несостоятельность должника не является лишь временным затруднением; она может быть следствием систематических ошибок в управлении, неблагоприятной экономической конъюнктуры или внезапных внешних факторов, таких как кризисы или изменения в законодательстве. В этом контексте отсутствие ликвидных активов становится критическим индикатором: если компания не располагает средствами, достаточными для покрытия своих обязательств, это создает риск неисполнения долговых обязательств и ставит под угрозу стабильность всей финансовой системы;
3. если кредитор был осведомлен о финансовых трудностях должника в момент получения отступного, это может свидетельствовать о недобросовестности сделки. Наличие признаков несостоятельности у должника, известных кредитору, ставит под сомнение честность и законность осуществленной сделки;
4. кредитор аффилирован по отношению к должнику (или стоимость отступного превышает 20% процентов балансовой стоимости). Аффилированные лица - это те, которые имеют особые отношения (например, родственники, партнеры или участники одной компании). Если кредитор аффилирован с должником, это может означать, что сделка была проведена не на рыночных условиях и могла быть направлена на уклонение от обязательств перед другими кредиторами, а стоимость отступного превышает 20% балансовой стоимости активов должника, это также может указывать на невыгодные условия для остальных кредиторов.

Сделка по передаче имущества в залог, если она соответствует обычной хозяйственной, не может быть признана недействительной согласно ст. 61., что подчеркивает принцип защиты добросовестных сделок, которые не наносят ущерба кредиторам. П. 3 ст. 61.4 указывает, что сделки должника, которые направлены на исполнение обязательств с равноценным встречным исполнением, могут оспариваться только на основании п. 2 ст. 61.2, однако, это создает правовую неопределенность, поскольку необходимо тщательно разграничивать ситуации, когда сделка может быть оспорена, а применение п. 2 ст. 61.2 и ст. 61.3 вызывает сложности в интерпретации норм, например, если сделка соответствует обычной, но при этом затрагивает интересы других кредиторов, возникает вопрос о том, как правильно оценить ее законность.

Сделка с предпочтением может рассматриваться как частный случай сделки с причинением вреда другим кредиторам. Если стоимость залога превышает 20% балансовой стоимости активов, это может служить основанием для оспаривания, в этом контексте важно учитывать, что даже если кредитор утверждает, что без залога кредит не был выдан, это не освобождает сделку от возможного оспаривания.

Таким образом, Закон о банкротстве вмешивается в обычные гражданские правоотношения, требуя от участников заранее учитывать возможные последствия своих сделок в случае банкротства контрагентов.

Рассмотрим каждую сделку на конкретном примере:

1. Подозрительная: ООО «Альфа», являющееся должником по ряду обязательств перед несколькими кредиторами, в условиях явного ухудшения финансового положения (ликвидность компании близка к нулю,

задолженность по налогам и заработной плате не погашена более двух месяцев) 15.02.2025 г. заключает с аффилированным лицом - ИП Сидоровым О.Ю. сделку купли-продажи складского помещения, находящегося на балансе компании. Стоимость объекта по данным бухгалтерской отчётности составляет 50 млн. руб., рыночная оценка - около 48 млн. руб. Однако по договору объект передаётся за 15 млн. руб., то есть по цене, значительно ниже рыночной и балансовой стоимости. При этом ООО «Альфа» не получает никаких иных встречных обязательств или компенсаций от ИП Сидорова О.Ю., кроме указанной суммы. Сделка оформлена надлежащим образом, переход права собственности зарегистрирован в ЕГРН. Уже 01.04.2025 г. арбитражный управляющий, назначенный в деле о банкротстве ООО «Альфа», обращается в суд с иском о признании данной сделки недействительной как подозрительной (фраудаторной) в соответствии с п. 2 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Данная сделка подпадает под признаки подозрительной (фраудаторной) сделки, поскольку: отсутствует равноценное встречное исполнение, а передача имущества стоимостью почти 50 млн. руб. за 15 млн. руб. представляет собой явное неравноценное встречное удовлетворение. Разница в цене (35 млн. руб.) фактически эквивалентна безвозмездной передаче части активов, что существенно уменьшает имущественную массу должника. При этом компания не получает эквивалентной компенсации, которая могла бы восполнить убытки или снизить обязательства в той же пропорции, причиняет имущественный вред кредиторам. В результате имущественная масса должника уменьшается без соответствующего снижения обязательств, что напрямую ухудшает положение остальных кредиторов, чьи требования теперь не могут быть удовлетворены в прежнем объёме. Таким образом, сделка носит вредоносный характер, направленный на вывод активов из активов должника.

Сделка совершена в пределах трёхлетнего периода подозрительности. Согласно п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, сделки, направленные на причинение вреда имущественным правам кредиторов, могут оспариваться, если они совершены в течение трёх лет до даты подачи заявления о признании должника банкротом. В рассматриваемом случае сделка совершена менее чем за год до возбуждения дела - условие соблюдено. ИП Сидоров О.Ю. является аффилированным лицом по отношению к ООО «Альфа» (например, бывший директор компании или близкий родственник основного участника). Судебная практика (в частности, п. 9.1 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 от 23.12.2010 г.) исходит из презумпции осведомлённости аффилированного лица о финансовом положении должника и целях совершаемой сделки, как я указала выше. Отсутствие рыночной цены, совпадение временных рамок с признаками неплатёжеспособности, а также связь сторон подтверждают добросовестное знание контрагента о том, что сделка наносит ущерб другим кредиторам.

Сделка не улучшает финансовое положение должника. В отличие от ситуаций, где передача имущества (например, в виде отступного или залога) сопровождается уменьшением обязательств и не приводит к ухудшению чистых активов, рассматриваемая сделка не предусматривает погашения долга или иного обязательства перед ИП Сидоровым О.Ю. Следовательно, актив уходит, а обязательства остаются - имущественная масса уменьшается, что приводит к прямому ухудшению финансового состояния.

Сделка не является преференциальной (поскольку не направлена на преимущественное исполнение конкретного обязательства, например, через залог или отступное), а представляет собой классический пример фраудаторной сделки, целью которой является вывод активов из состава имущественной массы должника. Она не обеспечивает интересы кредитора, не уменьшает долговую нагрузку и не способствует финансовому оздоровлению компании. Напротив, ведёт к непропорциональному обеднению активов, что прямо нарушает принцип равноправия, заложенный в законодательстве о банкротстве;

2. Преференциальная: ООО «Бета» испытывает серьезные финансовые трудности: задолженность перед несколькими кредиторами превышает 80 млн. руб., текущие обязательства не исполняются более трёх месяцев, ликвидность фактически отсутствует. Тем не менее, 10.10.2024 г. компания заключает с одним из своих кредиторов - АО «Гамма» - соглашение о предоставлении залога на нежилое здание (балансовая стоимость - 25 млн. руб., рыночная - около 27 млн. руб.) в обеспечение ранее возникшего обязательства по договору поставки от марта 2024 г. на сумму 22 млн. руб. На момент заключения залогового соглашения обязательство ещё не было просрочено, однако у ООО «Бета» отсутствовала возможность исполнить его в установленный срок, о чём АО «Гамма» было осведомлено (например, из переписки или предыдущих запросов о реструктуризации долга).

Уже 20.03.2025 г. арбитражный суд возбуждает в отношении ООО «Бета» дело о банкротстве. Арбитражный управляющий устанавливает, что залоговое соглашение с АО «Гамма» было заключено за 5 месяцев до подачи заявления о банкротстве, и обращается в суд с требованием о признании этой сделки недействительной как преференциальной в соответствии со ст. 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Согласно данной статье, преференциальной признаётся сделка, которая влечёт преимущественное удовлетворение требований одного кредитора перед другими. В данном случае залоговое соглашение существенно улучшает положение АО «Гамма»: в процедуре банкротства оно получает статус залогового кредитора и, согласно ст. 138 Закона о банкротстве, имеет право на удовлетворение своего требования за счёт продажи предмета залога в первую очередь, вне зависимости от очередности. Это ставит АО «Гамма» в привилегированное положение по сравнению с другими необеспеченными кредиторами, чьи требования окажутся полностью или частично неудовлетворёнными.

Преференциальные сделки оспариваются, если они совершены в течение шести месяцев до даты подачи заявления о признании должника банкротом (п. 1 ст. 61.3). В рассматриваемом случае залог предоставлен 10.10.2024 г., а заявление подано 20.03.2025 г. - то есть в пределах 161 дня, что укладывается в шестимесячный «период подозрительности» для преференций.

Ключевым условием применения ст. 61.3 является доказанность того, что на момент совершения сделки должник соответствовал признакам неплатёжеспособности (п. 2 ст. 61.3) или имущества должника было недостаточно для полного удовлетворения требований всех кредиторов (п. 3 ст. 61.3). В нашем случае: ООО «Бета» не исполняло другие обязательства в течение нескольких месяцев; у компании отсутствовали денежные средства для погашения текущей задолженности; балансовая стоимость активов (включая здание) была сопоставима с общей суммой долгов, но ликвидные средства отсутствовали.

Судебная практика (например, Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.04.2013 г. № ВАС-2451/13 и Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 63, п. 9.1) указывает, что фактическая неспособность должника исполнять обязательства в срок может свидетельствовать о наличии признаков неплатёжеспособности даже при формальном отсутствии просрочки по конкретному обязательству.

Важно подчеркнуть: залог предоставлён в обеспечение уже существующего обязательства, а не в рамках новой сделки. То есть должник ничего не получил взамен: активы не пополнились, обязательства не уменьшились, инвестиции не привлечены. Следовательно, сделка не приносит должнику экономической выгоды, но одновременно существенно усиливает позиции одного кредитора - это классический признак преференции.

П. 9.1 Постановления Пленума № 63 указывает, что особое внимание следует уделять случаям, когда стоимость имущества, переданного в обеспечение, превышает 20% балансовой стоимости активов должника. В нашем случае здание составляет около 25 млн. руб. при общей балансовой стоимости активов, например, 100 млн. руб. - то есть ровно 25%, что превышает установленный ориентир.

Данная сделка не ухудшает имущественное положение должника в бухгалтерском смысле (актив остаётся на балансе, обязательства не растут), и именно поэтому она не является подозрительной (фраудаторной) в понимании п. 2 ст. 61.2, но она также прямо нарушает принцип равенства кредиторов, заложенный в законодательстве о банкротстве, и создаёт необоснованное преимущество для одного из них.

Именно поэтому такая операция классифицируется как преференциальная, а не фраудаторная. Законодатель в ст. 61.3 специально ограничил срок оспаривания таких сделок шестью месяцами, учитывая, что они не выводят активы из имущественной массы, а лишь перераспределяют очередность удовлетворения требований. Такой подход отражает баланс между защитой интересов кредиторов и допустимостью добросовестных мер по обеспечению обязательств в обычной хозяйственной деятельности.

Вопрос о недействительности сделок с неравноценным встречным исполнением в контексте конкурсного оспаривания является важным аспектом правоприменительной практики, особенно в сфере банкротства. Проанализируем подробнее правовую позицию, связанную с этим вопросом.

Согласно законодательству, сделка может быть признана недействительной, если она была совершена в течение одного года до возбуждения дела о банкротстве или после этой даты, и если встречное исполнение сторон является неравноценным. В этом контексте неравноценность выступает как объективный критерий, который позволяет суду установить факт, влияющий на законность сделки.

В контексте фраудаторных сделок (сделок, направленных на уклонение от удовлетворения требований кредиторов) важно понимать, что: объективные критерии являются основополагаю-

щими для признания сделки недействительной, а субъективные могут быть важны для установления дополнительных обстоятельств дела, но они не являются необходимыми для признания сделки недействительной.

Специальные основания для оспаривания сделок в контексте банкротства отличаются от общих правил, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации. Общие основания для оспаривания сделок, указанные в нём, имеют свои цели, отличные от целей конкурсного оспаривания в рамках банкротства. Эти общие основания направлены на отмену юридической силы сделок, которые нарушают законодательство, являются фиктивными или имеют другие недостатки, такие как порок воли или нарушения в субъекте сделки, однако в Законе о банкротстве также предусмотрена возможность оспаривания сделок на основании норм Гражданского кодекса. Это означает, что даже если существуют специальные основания для оспаривания сделок в рамках банкротства, суд может все равно квалифицировать сделку как ничтожную, если в ней было допущено злоупотребление правом. Таким образом, суд может применять как специальные, так и общие нормы при оценке сделок в контексте банкротства.

Ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает важные принципы, касающиеся осуществления гражданских прав. Она подчеркивает, что гражданские права должны осуществляться добросовестно и разумно. Вот основные аспекты:

1. Запрет на причинение вреда: граждане и юридические лица не могут использовать свои права с намерением причинить вред другим. Это значит, что даже если у вас есть законное право на какое-то действие, вы не можете использовать его для того, чтобы навредить другому человеку;
2. запрет на обход закона: запрещается осуществление действий, которые направлены на уклонение от закона или имеют противоправную цель. Это означает, что нельзя использовать юридические конструкции для обхода норм законодательства с целью получения выгоды, которая была бы недоступна в рамках закона;
3. злоупотребление правом: если лицо осуществляет свои права заведомо недобросовестно, это также считается злоупотреблением правом.

Ст. 168 этого же нормативно-правового акта дополняет, устанавливая, что сделки, которые противоречат закону или иному правовому акту, являются недействительными, то есть, если сделка нарушает нормы права (например, заключена с целью обмана или нарушения прав третьих лиц), она не будет иметь юридической силы и не будет защищена законом.

Таким образом, обе статьи работают в связке, обеспечивая защиту прав и законных интересов сторон и предотвращая злоупотребления в гражданских правоотношениях.

Вопрос о соотношении объективных и субъективных оснований является ключевым при оспаривании как преференциальных, так и фраудаторных сделок. [8] Объективная сторона преференциальной сделки заключается в том, что один кредитор получает преимущество перед другими. Для того чтобы установить наличие этого преимущества, достаточно определить два факта: во-первых, должник удовлетворяет обязательство перед конкретным кредитором или создает условия для такого удовлетворения, например, передавая имущество в залог; во-вторых, существуют другие кредиторы, требования которых остаются неудовлетворенными. Субъективная сторона преференциальной сделки связана с осведомленностью стороны сделки о ее недобросовестном характере. Что касается фраудаторных сделок, то здесь субъективная составляющая включает в себя осведомленность стороны о том, что сделка может причинить вред имущественным правам кредиторов. Например, сторона должна понимать, что имущество продается по заниженной цене с намерением исключить других кредиторов из процесса удовлетворения своих требований. В этом случае сторона фраудаторной сделки фактически пытается получить чужое имущество в условиях недобросовестности, что ставит под сомнение ее добросовестность.

При преференциальных сделках сторона получает исполнение обязательства, и для того чтобы такая сделка была признана недобросовестной, необходимо учитывать стандарты добросовестного поведения сторон в аналогичных условиях.

В контексте конкурсного права принцип равенства всех кредиторов является основополагающим, поскольку он обеспечивает справедливое распределение активов должника между всеми его кредиторами. Этот принцип подразумевает, что ни один кредитор не должен получать преимущество перед другими в процессе удовлетворения своих требований, но в ситуации, когда один из кредиторов получает исполнение своих обязательств в ущерб другим, возникает возможность оспаривания преференциальных сделок [12].

Недобросовестность кредитора, который извлекает выгоду в момент, когда ему известно о том, что его действия ставят его в более выгод-

ное положение по сравнению с другими кредиторами, является явным нарушением основополагающего принципа справедливости. Кредитор, осознающий, что его поступки способствуют ухудшению ситуации для остальных кредиторов, фактически идет вразрез с базовыми принципами конкурсного права. [4]

Законодательство о банкротстве учитывает эту недобросовестность и устанавливает ряд правил, направленных на защиту интересов всех кредиторов. Согласно п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, срок подозрительности преференциальной сделки увеличивается с одного до шести месяцев в случае, если кредитор был осведомлен о признаках неплатежеспособности должника. Это правило подчеркивает значимость информированности кредиторов о финансовом состоянии должника и их ответственность за свои действия, но такой подход не всегда соответствует изначальной концепции оспаривания преференциальных сделок.

В итоге, важно найти баланс между защитой принципа равенства кредиторов и обеспечением справедливости в отношении тех кредиторов, которые действуют добросовестно. Это требует тщательного анализа обстоятельств каждой конкретной сделки и учета всех факторов, влияющих на ее законность и добросовестность.

Цель защиты сделок, совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности, от конкурсного оспаривания заключается в обеспечении стабильности гражданского оборота, как я отмечала ранее. Если бы такой защиты не было, в случае банкротства крупных компаний можно было бы оспаривать множество сделок, которые не оказали бы существенного влияния на финансовое состояние должника, так как эти сделки происходят в период, установленный законом как подозрительный, они могут быть формально признаны недействительными. [6]

Основная задача введения нормы, запрещающей оспаривание сделок, осуществленных в рамках обычной хозяйственной деятельности, заключается в защите добросовестных контрагентов должника. Данная норма направлена на поддержание стабильности и предсказуемости в деловых отношениях, обеспечивая уверенность участников рынка в том, что их законные сделки не будут подвергаться сомнению в случае банкротства одной из сторон, что особенно важно для поддержания доверия в экономической среде, где добросовестные контрагенты, действующие честно и в рамках закона, не должны нести последствия за действия других участников.

Также, мною были выделены следующие особенности оспаривания сделок:

В соответствии с п. 1 ст. 213.1 Закона о банкротстве, отношения, связанные с банкротством граждан, регулируются различными главами закона, включая гл. 1-3.1, 7, 8, пар. 7 гл. 9 и пар. 2 гл. 11. Это положение подчеркивает, что нормы гл. 3.1 применяются к делам о банкротстве граждан факультативно и лишь в той части, которая не охватывается нормами гл.10. Можно сделать вывод, что законодатель ограничил применение некоторых положений, чтобы избежать дублирования и обеспечить более целенаправленное регулирование. Законодатель стремится к тому, чтобы регулирование было эффективным и учитывало интересы как должников, так и кредиторов, что особенно важно в контексте банкротства граждан;

1. ст. 213.32 Закона о банкротстве вводит специальные нормы оспаривания сделок в делах о банкротстве граждан. Буквальное содержание этой статьи указывает на то, что сделки гражданина могут быть оспорены только по основаниям, указанным в ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, также допускается оспаривание сделок, совершенных супругом гражданина-должника в отношении совместного имущества на основании семейного законодательства. Это ограничение подчеркивает намерение законодателя сосредоточиться на специфических основаниях для оспаривания, исключая возможность применения более широких норм гражданского законодательства. Таким образом, возможность оспаривания сделок гражданина в рамках процедуры банкротства по основаниям гражданского законодательства не предусмотрена, что подтверждается абз. 2 п. 7 ст. 213.9, который четко указывает, что право финансового управляющего оспаривать сделки гражданина ограничивается специальными основаниями из статей 61.2 и 61.3. Данное положение служит дополнительным аргументом в пользу того, что законодателем была выбрана узкая специализация норм оспаривания сделок в контексте банкротства, что позволяет избежать неопределенности и избыточности правоприменительной практики;
2. в п. 13 ст. 14 Закона № 154-ФЗ заключается важное исключение из общего правила оспаривания сделок в рамках банкротства. Сделки, совершенные должником до 1 октября 2015 года, могут быть оспорены на основании признаков злоупотребления правом, как это предусмотрено в п. 3-5 ст. 213.32 Постановления. Это означает, что даже если такие сделки не подпадают под

специальные основания, установленные для оспаривания в рамках банкротства, они могут быть оспорены, если суд выявит признаки злоупотребления правом в соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данное положение имеет значительное значение для правоприменительной практики. Оно создает возможность для суда рассматривать дела о банкротстве более гибко, учитывая различные обстоятельства, которые могли иметь место при совершении сделок до указанной даты. Суд может установить, что должник использовал свои права не в добросовестных целях, что и является основанием для оспаривания сделки;

3. одной из ключевых особенностей данного процесса является применение положений п. 2 ст. 61.4 Постановления, касающегося защиты сделок, совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности. Это положение позволяет исключить из конкурсного оспаривания платежи, которые не превышают установленный лимит в один процент от балансовой стоимости имущества должника, следует отметить, что для граждан, как физических лиц, этот критерий не может быть применен напрямую - это связано с тем, что у граждан нет обязательства вести бухгалтерский учет, что делает определение балансовой стоимости их имущества затруднительным.

Оспаривание сделок в банкротстве, также известное как конкурсное оспаривание, представляет собой ключевую защитную процедуру конкурсного права. Этот процесс служит важным инструментом для восстановления прав и законных интересов кредиторов, позволяя вернуть в конкурсную массу активы должника, которые были отчуждены во вред интересам кредиторов.

Кроме того, сосредоточение на защите прав кредиторов иногда приводит к злоупотреблениям механизмами конкурсного оспаривания, когда они используются в недобросовестных или даже противоправных целях. Это создает риски для стабильности гражданского оборота и ставит под сомнение взаимодействие между институтами банкротства и гражданского права, что может фактически отменить действие некоторых норм гражданского законодательства.

Таким образом, правоприменитель сталкивается с задачей поиска справедливого решения, которое обеспечивало бы баланс интересов всех вовлеченных сторон, что включает в себя необходимость корректного толкования закона и выбора подходящих объектов правовой защиты в процессе конкурсного оспаривания. В связи с этим возникают постоянные противоречия и сложности, что подчеркивает необходимость глубокого научного анализа существующего механизма конкурсного оспаривания сделок.

Список литературы:

[1] Белых В. С., Богданов В. М., Запорощенко В. А. Банкротство граждан. С. 21; Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: науч.-практ. пособие. М., 2013. С. 12-15;

[2] Вайпан В. А. Реализация принципа социальной справедливости в институте несостоятельности (банкротства) // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: моногр. / под ред. С. А. Карелиной, И. В. Фролова. - М.: Юстицинформ, 2020. - 364 с.;

[3] Витрянский В. В. Реформа законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Вестн. ВАС РФ. 1998. Спец. прил. № 2. С. 80-81; Belykh V. S. Conceptual Foundation of the 2002 Russian Insolvency Law // Russian Law: Theory and Practice. 2007. № 2. P. 164-165;

[4] Карелина С. А. Принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // Предпринимательское право. 2008. № 2. С. 2-9;

[5] Колиниченко Е. А. Защита интересов неплатежеспособного должника при банкротстве: сравнительно-правовой анализ. - М.: Статут, 2001. - 208 с.;

[6] Кациоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестн. гражданского права. - 2017. - № 3. - Т. 17;

[7] Кукин А. В., Плешакова О. П. Продолжниковская модель банкротства: проблема распределения рисков // Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности: моногр. / под ред. С. А. Карелиной, И. В. Фролова. М., 2020;

[8] Перина М. В. Оспаривание подозрительных сделок должника-гражданина в процедуре несостоятельности (банкротства) // Экономика и право. 2017. № 4. С. 123-125; Шестов А. В. Неравноценные сделки несостоятельного должника // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8

[9] Шершеневич Г.Ф. Ученье о несостоятельности. Казань, 1890. С. 8.

[10] Конкурсное право / [соч.] Г. Ф. Шершеневича. - 2-е изд. - Казань : Тип. имп. ун-та, 1898. - [4], VI, 498, [1] с. - Лит., пост. указ. : с. 491-498.

[11] Брагинский М. И., Витрянский В. В., Договорное право. Общие положения. С. 419.

[12] Гонгало Б.М. Объективное и субъективное в правовой доктрине. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 42-46.

References:

[1] Belykh V. S., Bogdanov V. M., Zaporoshchenko V. A. Bankruptcy of citizens. S. 21; Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal regulation: scientific-practical. allowance. M., 2013. S. 12-15;

[2] Vaipan V. A. Implementation of the principle of social justice in the institution of insolvency (bankruptcy)//Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monogroup ./Ed. S. A. Karelina, I. V. Frolova. - M.: Justicinform, 2020. - 364 p.;

[3] Vitryansky V.V. Reform of insolvency (bankruptcy) legislation//Vestn. VAS RF. 1998. Special. Appendix No. 2. S. 80-81; Belykh V. S. Conceptual Foundation of the 2002 Russian Insolvency Law // Russian Law: Theory and Practice. 2007. № 2. R. 164-165;

[4] Karelina S. A. Principles of legal regulation of relations arising in connection with the insolvency (bankruptcy) of the debtor//Business law. 2008. № 2. S. 2-9;

[5] Kolinichenko E. A. Protection of the interests of the insolvent debtor in bankruptcy: comparative legal analysis. - M.: Statute, 2001. - 208 s.;

[6] Kotsiol H. Fundamentals and controversial issues of challenging the actions of the debtor committed to the detriment of its creditors (beginning)// Vestn. civil law. - 2017. - № 3. - T. 17;

[7] Kukin A.V., Pleshakova O.P. Prezhnikovskaya bankruptcy model: the problem of risk distribution// Reforming the institution of insolvency (bankruptcy) in modern Russia: problems of legal effectiveness: monogr ./Ed. S. A. Karelina, I. V. Frolova. M., 2020;

[8] Perina M.V. Challenging suspicious transactions of a citizen debtor in insolvency (bankruptcy) proceedings//Economics and law. 2017. № 4. S. 123-125; Shestov A. V. Unequal transactions of an insolvent debtor//Arbitration and civil proceedings. 2016. № 8

[9] Shershenevich G.F. The study of insolvency. Kazan, 1890. P. 8.

[10] Bankruptcy Law/[Op.] G. F. Shershenevich. - 2nd ed. - Kazan: Type. imp. University, 1898. - [4], VI, 498, [1] p. - Lit., post. decree.: p. 491-498.

[11] Braginsky M.I., Vitryansky V.V., Contract Law. General provisions. S. 419.

[12] Gongalo B.M. Objective and subjective in legal doctrine .//Actual problems of Russian law. 2015. № 4 (53). S. 42-46.

